

Шендаков Андрей Игоревич родился в 1978 году в городе Болхове Орловской области. Автор нескольких сборников стихотворений. Произведения публиковались в коллективных сборниках, в ведущих российских литературных журналах и газетах. Лауреат и дипломант ряда всероссийских и международных литературных конкурсов. Член Союза писателей России. Поэт. Живёт в Орле.

«У ВСЕЛЕННОЙ — СВОИ ИМЕНА...»

* * *

Когда сгорает небосклон...

И. Семёнова

Снова август — дрожит на исходе,
Холодна предвечерняя высь:
То взовьётся дымком в огороде,
То застынет в чащобе; светись
Это время — пурпурно, лилово,
Ярко-огненно, стыло, внахлёт —
Пусть во всём продолжается Слово,
Начиная чуть видимый рост:
Рост листвы, золотой и лучистой,
Рост травы, еле-еле живой;
Блеск воды у реки камышистой
Облетает в ложбине грибной.
Чуть заметно щебечут осины,
Пахнет лесом, рогозом, трухой.
Не хочу я небес половины,
Мне и близок, и дорог другой
Долгий путь: над просветами плёса
Будоражит покоем всегда

Глубина — широка и белёса,
Если вспыхнет сквозь кроны звезда.

Загораются звёзды, рисуя
В стылой сини ночные штрихи.
Что на землю свою принесу я?..
Жизнь моя, ты меня нареки
Иль поэтом, иль отроком-сыном,
Иль проходим меня назови —
Пляшет бойко огонь по осинам,
То смиряясь, то плача в крови:
И печаль, и стихи, и заботы
У меня — как у всех, их полно, —
Нужно верить в былые оплоты,
Надо новое сеять зерно —
Средь холмов, камышей ли, болота,
Родников, запоздалых шагов;
Моего, своего небосвода
Дальний сполох высок и багров.
Отзывается в сердце тревога,
Русь моя, полевая страна,
А дорога долга, и отлога,
И над светом, как прежде, темна.

* * *

Живу в спокойном уголке,
Благоухающем, зелёном,
С прохладой, льющейся по клёнам,
И сонной рябью — по реке,

Там, где высокие холмы
И эхо дальних колоколен,
Там, где рассветный час приволен
И рощи звуками полны;

Где зародившийся исток
Питает новые истоки
И, пробиваясь к свету, строки
Дают целительный глоток

Усталым путникам моим,
Моим собратьям — сопричастно.
И снова бьётся сердце часто,
Когда мы с небом говорим!

* * *

В белых рощах, кипящих от света...

В. Дронников

...Земля моя, я чувствую твой зов,
твоих дорог извилистые токи:
то высоки, то скорбны и отлоги
твои пути — прозрачно-бирюзов
вновь небосвод, в преддверии зимы
ещё листва легка и золотиста;
светясь, река несёт лучи пречисто,
хребтом к хребту смыкаются холмы;
знакомый сад шумит, издалека
дохнув дымком немного поминально,
а пёс соседский ткнул в мой след печально

седую морду возле родника,
где в камыши и в жиденский рогоз
вплетают тень и ясени, и сосны;
где вдоль тропинки широки и рослы
стволы раakit, склонённых на откос
былого яра: запахи коры,
древесной гнили, мха, овражной глины
переполняют сущностью судьбины,
которых я не ведал — до поры...

Но слышен зов, такой, что невзначай
понятно мне: он то далёк, то близок;
составит ль кто людей ушедших список?
Заварит ль кто в разлуке крепкий чай,
чтоб, как и я, неспешно вспоминать
в родной глуши события и даты?..
А облака над рощами крылаты —
и водяниста солнечная гладь
реки иной, нездешней, неземной,
той, по которой шёл я до рожденья:
рассветных звёзд и стылых лун круженья
плывут извечно — кругом, пеленой.
Круговорот, времён круговорот!
Круговорот материи и духа!
Но вряд ли ждут дома и крыши звука
из глубины нахлынувших высот.
Не жду и я, но всё-таки порой,
когда, мелькнув космической крупницей,
взлетает высь искристой белой птицей,
мне вслед земля блестит живой росой.

* * *

Живая лирика моя,
Миров невидимых сиянье,
Моим надеждам воздаянье,
Свои созвездия края,

Не покидай, не уходи,
Пребудь — смиреннее и тише,
Свои светящиеся ниши
Храни в неведомом пути.

А я, как душу, сохраню
Твои истоки и начала:
Душа моя ль не примечала
Закат иль новую зарю?..

Ещё один круговорот,
Еще одно настало лето:
Мы здесь — и там, за далью, где-то
В бескрайних заводях высот...

* * *

Загорелась дальняя звезда,
Озарив небесные полотна,
И крылом взмахнула путеводно —
Высока и снова молода.

На её искристый долгий свет
Уходили в море караваны,
Чтоб найти неведомые страны,
А мудрец пытался дать ответ

На вопрос о сущности её,
Но не многим был ответ угоден,
Ведь нередко путь — бесповоротен,
И при этом — возвратится всё.

Снова луч летит к своим мирам,
Он и сам — из мира неземного.
И не нужно, видимо, иного —
Лишь бы свет спускался с неба к нам.

* * *

И.

..Была тревожной песня соловья,
такой, как будто кто-то каблучками
качнул мосток и, каждый скрип лоя,
остановился где-то между нами:
в твоих глазах — кофейно-золотых,
с едва заметной дымкой травянистой,
в закатном солнце, заглянувшем в них,
в дали вечерней, тихой и пречистой,
на загорелой коже твоих рук,
на смятых складках ситцевого платья,
в мирах, спешащих завершить свой круг,
и в ярких блёстках крестика-распятыя —
на тонкой шее; сочно, тяжело
срывались вишни; вторя небосводу,
в низине, словно жидкое стекло,
ручей вращал сиреневую воду;
трава шуршала, с поля у реки
тянуло пылью, запахом пшеницы,
в вечернем небе тлели — далеки
и чуть заметны — звёздные крупичицы;
через минуту схлынул летний жар,
кузнечик в поле вздрогнул сиротливо,
а над рекой уже стелился пар —
и засыпала у дороги ива,
последних пчёл неспешно проводив
к соседским ульям — над тропинкой луга,
и только где-то слышался мотив
далёкой песни — «про бывшего друга»,
оттуда, где с раскидистых берёз
ещё стекались солнечные пятна, —
и мир затих, через себя понёс
всё то, что можно только ждать — обратно:
любви, друзей, земных минут уклад;
мы всё стояли, сонно созерцая

ручей, текущий бойко на закат,
и долгий путь, где линия простая —
нить горизонта — посылала нам
свои лучи — предвестники рассвета.
А на холме стоял, сияя, храм.
И вдаль неслось семнадцатое лето.

* * *

...И высота стихотворенья
Под ускользящей строкой,
И в час закатный откровенья
Порой приносят мне покой;

Мои закаты, и рассветы,
И боль полуденных утрат —
Всё путеводные приметы,
Как вещей сон, боготворят.

Приходят в муках озаренья:
Чем ярче дух, тем выше свет, —
Миров невидимых круженья,
Полёт неведомых планет.

Пылает небо далью синей,
Там, где струится лунный прах.
А на ветвях в изгибах линий
Спит мир на солнечных руках.

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

И такая влекущая сила...

А. Блок

I.

Сколько дней моих кануло в Лету?
Не унять быстрокрылый порыв,
А мелодию грустную эту
Кто-то вновь пропоёт, повторив

И слова, и обрывки, и слоги,
И шуршание тихой листвы:
Даль вечерней небесной дороги
Бьёт в глаза густотой синевы.

Только Время — крылатое Время,
Звёздный полог — сияние струн.
Ты молчишь, в свою вечность не веря.
Я с тобой и взволнован, и юн.

Я молчу, уловив тебя взглядом
Над опавшей, осенней листвой, —
И незримо присутствует рядом
Образ твой — неизменно живой...

II.

Я молчу, ты присутствуешь — рядом,
Я безмолвно с тобой говорю,
Повторяя слова свои взглядом,
Отзываясь ночному дождю;

Колыханье свечи, колыханье
Робкой тени на стылой стене,
И твоё, словно свет, мирозданье —
Неизбежно, всецело — во мне.

Неужели всё сущее ложно?
Неужели всё это — игра?
Ты спокойна, умна, осторожна,
Легкокрыла, тиха и добра...

Апельсина засохшая долька,
Розовеет в бокалах вино...
Мне всё видится: может быть, только
Нам родиться на свет суждено.

Ш.

Кто мы? Что мы?.. Извечны вопросы.
Бьётся лодка о берег реки:
Дни тревожны, немногоголосы,
Дни осенних разлук нележки;

Дождь рисует мелодию — тихо,
Вечер слился с рассветом моим:
На столе приоткрытая книга
И стихи — только пепел и дым.

Но во всём этом спутанном чувстве
Я ищу, словно тени, слова,
А в поэзии — в чистом искусстве —
Только ты неизменно права,

Моя Муза! Спокойна, свободна
И по-своему лире верна:
То опустишь вуаль благородно,
То всплакнёшь над бокалом вина.

IV.

Никого, никого, только тени,
Только воздух, дыхание, свет
И страницы... В знакомом катрене
Я нашёл необычный ответ:

После смерти мы будем иными,
У бессмертия — чаша своя, —
В поднебесном мерцающем дыме,
Окружившим ночные поля.

Блеск иконы, шагов твоих скрипы.
Я воскликну: «О Боже, явись!» —
Лишь осенние тонкие липы
Вновь окутает стылая высь.

Повторяется сущее. Кто ты,
Если снова, как образ, жива?..
За тобой — пролетевшие годы,
Перед нами — Вселенной глава.

V.

Стала ты, моя Муза, смелее,
Ты дала мне бессмертие — вдруг:
Можно вечно ходить по аллее,
Обостряя сиянье и слух;

Не спеша наблюдать со страницы,
Возвращаться, скитаться, любить,
Заплетать, словно строки, в косицы
Серебрящихся капелек нить.

Это звёзды, а мы — между ними,
Между нами — былые века,
А Вселенная в огненном дыме,
Как и прежде, во всём высока.

Ты — предвестница, в белом покрове,
В холодящих глубинах листа:
В каждой линии — капелька крови
Богородицы, света, Христа...

* * *

Как лицо твоё похоже...

А. Блок

Осенний день спокойно остывал,
краснели лозы в роще у обрыва,
и бирюзово-охровый овал
ночной луны катился сиротливо
к реке, едва затянутой дымком,
где терпок дух и каждый окрик колок,
а над тропинкой тёплым мотыльком
пылает лампа в кроне среди иголок

высоких сосен: близится зима,
монах до ночи трудится у кельи,
ещё вот-вот — Вселенная сама
к холмам сойдёт в искристом ожерелье;
ещё вот-вот — и ледяной хрусталь
затянет ветви огненно и кротко,
а всё, чего уже давно не жаль,
вдруг возвратит серебряная лодка
светил небесных — в творчестве, в труде,
и в час, когда лист испещрённый тонок,
и в миг, когда, затеплившись в воде,
рассветный луч ютится среди иконок...

А между тем и осень, и листва,
и запах леса — чист, благоуханен,
и мрак овражный, и твои слова,
и ты в огне мерцающих окраин —
всё говорит: любой крутым словом
готов оспорить Божью сущность Мира
и мнить себя почти живым Творцом,
но всё — во власти вечного эфира.
Тебя я помню юной, молодой,
в листву сухую погружавшей руки
и захмелевшей в дымке золотой.
О, если б знать, предвидеть все разлуки!
О, если б знать чуть раньше, что грешно
и что навек неоспоримо свято!..
А ночь клюёт искристое пшено
в лучах рассвета и в лучах заката,
и потому так часто, осенев
себя крестом, ты замираешь в храме
пред ликом Божьим... Осени мотив
звучит, как эхо, долго между нами.

* * *

Пахнет сыростью в парке осеннем,
Даль закатных дорог золота,
С непривычным своим наваждением
Замирает ночная вода:

У реки, в наплывающем смоге
Снова слышится гул голосов, —
Берега холодны и отлоги,
Небосвод над холмом бирюзов.

Еле-еле колышутся звёзды,
Освещая начертанный путь, —
Глядя в эти небесные вёрсты,
Невозможно без мысли уснуть,

Что вокруг и безлюдно, и сыро...
Чьи глаза состраданьем полны?
На пороге нездешнего мира,
Под крылом неземной тишины...

* * *

У дома сумерки густы...

В. Шадрин

..И вот оно — заснеженное поле,
позёмка вьётся, путает следы,
а в небе — просинь, холод с высоты
узоры льёт на старом частоколе,
который виден еле-еле, чуть;
застыв в снегу, в окрестной жгучей дымке,
луна плывёт в стеклянной синей крынке —
сама себе прокладывает путь,
а мой путь зыбок, тонут ноги в снег.
Где ты?.. Твой дом стоит у кромки поля,
ветрам и вьюгам над оврагом вторя,
порой даруя путникам ночлег;
так я забрёл к тебе однажды в дом:
слегка смутившись, ты меня впустила,
была бы хоть одна в остатке сила —
я не вошёл бы, сгинув за холмом;
твой взгляд робел, и, несомненно, в нём
был знак — вполне во всём ещё приятной
тогда была ты; пахло тёплой мятой,
душком рассольным и печным огнём —
смолистым духом, тестом и золой

с едва заметной траурной горчинкой;
пирог дышал надломленной начинкой,
в полупрозрачной вазе золотой
лежала горсть конфет; протяжно, глухо
метель стучала в ставни и, скрипя
чердачной дверью, унося меня,
как дым печной, вдали остатки звука
вновь повторяла — где-то на краю
на целый метр заснеженного поля,
как будто в лодке, тонущей средь моря,
встречали мы рассветную зарю.

И свет пылал, и было всё кругом
к полудню светом залито до неба:
хотя бывает жизнь порой нелепа,
я вновь ищу твой заметённый дом,
дом у обрыва, в поле, где с холма
к реке петляет несколько тропинок,
но — только вьюга, с ветром поединок
и чья-то келья, и зима, зима...

* * *

Почти всю ночь искристая метель
плыла с холмов — среди печного дыма,
а ты была со мной — неповторима,
света, как будто зимняя кудель
вокруг ветвей сплетённых и коры,
петардой гулко в полночь озарённой:
я знал тебя наивной и влюблённой,
смотрящей вдаль —
сквозь склоны и дворы;
ты лишь на миг задерживала взгляд
на чём-то важном — в стылой карусели —
и, тень оставив в золотой метели,
мне отвечала что-то невпопад,
что я терялся в сполохах огня
твоих волос, светящихся от вспышек;
ведя в свой дом, среди духов и книжек
едва-едва спокойствие храня,
ты замирала, и, сметая снег

на половик, мы свечи зажигали
и говорили — о былом вначале,
затем родных, оставивших навек
мир, вспоминали... Впрочем, не о том
почти всегда в те дни мы говорили —
среди ночной взметнувшейся кадрили,
средь мишуры, засыпавшей твой дом:
метель ворчала, скрипы с чердака
и коридор, и стёкла оглашали;
и таял лёд, стекая на пол с шали,
и ветер где-то возле потолка
просился в дом, но было так всегда,
что для двоих и мрак наполнен светом,
и горе мигом видится при этом,
когда вдруг где-то в сумерках звезда
в глухом окне над бездною мелькнёт,
в печном огне вдруг отзовется ль что-то
и мир наполнит зимняя дремота
иль вдруг на миг, встречая новый год,
душа взметнётся, как глубинный свет,
как роковой стремительный предвестник:
горит звезда, как будто медный крестик,
поёт метель, которой больше нет...

О ЧЕЛОВЕКЕ

...заменить его будет некем.

А. Люкин

Человек глубок и беспросветен,
Человек возвышен и умён:
Полотно искрящихся отметин,
Миллиарды судеб и имён.

Кто-то сгинет — мрак и непогода,
Кто-то отставляет только свет,
Тот, что в стылых гроздях небосвода
Обгоняет сполохи планет.

Кто-то может лишь ругаться люто,
Кто-то молчаливо горделив:

Звёзды, словно битая посуда,
Довершают собственный мотив.

Средь равнин иль средь своих окраин,
В самом сердце лучших из миров
Человек духовно многогранен,
Человек безудержно суров.

* * *

Золотятся от солнца виски,
Окропляя огнём седину:
Всё, что сказано, — мастерски
Прожигает лучом тишину;

Всё, что сделано, не понять
Из живых на Земле никому:
Лишь дано — созерцать и сиять
Над простором Ему одному;

Всё, что будет, — над бездной круги,
Не подвластный сознанию оплот:
В жизни смертной куда ни беги —
Сердце что-то незримое ждёт...

А под солнцем — цветы и трава,
Восходящий сиреневый свет
И любовь, та, что вечно права
Вопреки положенью планет.

* * *

По далёкой ли, близкой земле,
По своим ли, чужим небесам
Понесёт меня Вечность во мгле
Или я понесу себя сам

На светящихся белых крылах,
Тихих, словно шуршанье страниц:

Серебрящийся солнечный прах
Догоняет взметнувшихся птиц.

Вечереет... Закат — не закат:
Через два-три часа рассветёт,
Замирающих звёзд водопад
Знает свой перелётный черёд.

У Вселенной — свои имена,
В ней и мёртвое станет живым!
И поёт, и грустит тишина
По извечным скитальцам своим.

* * *

Жизнь — без начала и конца...

А. Блок

Веди меня, моя звезда!
Твой путь земной, как свет, нетленен,
Но было так почти всегда,
Что путь над бездною — мгновенен

И «до» и «после» всех миров,
До сотворения иль смерти.
Где твой незримый, чистый кров
И где твои былые тверди?

Где твой приют, причал, покой?
Где ускользящая стая?..
К тебе лечу, как луч, строкой,
Свой свет с сияньем сочетая.

Качает стылая вода
Над миром брызги небосвода —
Горит вечерняя звезда.
Жизнь без начала и исхода!